

Глава 21. Гора Цинянь

Решение было принято, и Юй Миньчжи вместе с сыном, отобрав по несколько верных учеников, разделились, чтобы порознь отправиться к намеченным целям.

Как только госпожа Юй узнала, что им предстоит столь дальний путь, её здоровье мгновенно пошатнулось. Однако в самый день отъезда она, преодолевая бледность и слабость, всё же вышла к воротам проводить их.

Правда, она по-прежнему упорно избегала смотреть на Шаои — словно страшилась взглянуть ей прямо в глаза.

Шаои, впрочем, не выказывала ни капли досады. После той памятной ночи весь её мир, казалось, сузился до одного лишь Юй Шаолиня. К госпоже Юй она теперь относилась почти так же, как к главе павильона Юй Миньчжи — холодно и безучастно, словно перед ней было пустое место.

Шаолин и сам не понимал, радоваться ли подобной перемене. Он не ведал, какая именно чёрная кошка пробежала некогда между его матерью и приёмным братом, а потому и примирить их не мог. И всё же при виде угасающей на глазах матери его сердце неизменно сжималось от жалости.

— Матушка, возвращайтесь в покои, — мягко произнёс он. — На улице сквозняк, вам вредно.

Но госпожа Юй, терзаемая дурными предчувствиями, крепко вцепилась в его рукав. Её пальцы дрожали, а смотрела она с отчаянной мольбой:

— А-Цюэ, сынок. Перед дорогой у меня к тебе лишь одна просьба. Заклинаю, запомни мои слова.

Шаолин, всегда питавший к матери глубокую нежность, послушно кивнул:

— Я слушаю, матушка. Говорите, я всё исполню.

— Если на вашем пути встанут демоны... не пытайся геройствовать. Помни... — Она запнулась, бросив быстрый, словно случайный взгляд на стоящую поодаль Шаои, и, наконец решившись, выдохнула: — Твоя жизнь и твоё спасение должны быть превыше всего.

— Не беспокойтесь, матушка. Мы с Шаои обязательно вернемся целыми и невредимыми.

После недолгих проводов они разъехались в разные стороны.

Забываясь об удобстве Шаои, Шаолин нанял крытый экипаж. Сам он вместе с младшими соучениками ехал верхом, предоставив сестре прохладу и покой кареты. Он полагал, что это наилучший расклад, однако не успели они отъехать и на пару ли, как Шаои принялась то и дело высовываться из окна и звать его.

То ей, видите ли, пить хочется, то она внезапно проголодалась.

Шаолину оставалось лишь терпеливо спешиваться и подносить ей то одно, то другое. Но стоило ему приоткрыть расшитую занавеску, как он наткнулся на преданный, сияющий взгляд её глаз — вылитый щенок, выпрашивающий ласку у наставника.

Куда делась прежняя холодная отстраненность «ледяной девы»? Перед ним сидела капризная, избалованная и чертовски привязчивая младшая сестрёнка.

Покорно выполнив несколько её нелепых поручений, Шаолин только вздохнул. Против этого взгляда он был бессилён — отказать ей не поворачивался язык. В конце концов он нашёл разумный компромисс: привязал коня к повозке и забрался внутрь, устроившись напротив сестры. Шаои тут же просияла и наконец угомонилась.

Впрочем, этот шаг пришёлся по душе далеко не всем. Пуще прочих выказал недовольство Лу Дибao.

Младший соученик надулся, обиженно выпятив губу, но благоразумно промолчал.

Вообще, Дибao оставался едва ли не единственным среди всей их братии, кто устоял перед сокрушительным очарованием Шаои. Её неземная красота не произвела на него ровно никакого впечатления.

К тому же после возвращения с Пути к Небесам Дибao постоянно хворал. Прежде заядлый любитель посплетничать, теперь он сделался молчалив и замкнут, а в последние недели и вовсе безвылазно сидел в своей комнате.

Шаолин и его отец не на шутку тревожились. Глава павильона даже приглашал известного лекаря, но тот лишь развёл руками, не обнаружив никакого недуга. Решили, что юноша просто перенёс сильное потрясение и впал в глубокую меланхолию.

Изначально Шаолин не планировал брать Лу Дибao с собой. Зачем утомлять больного паренька дальней дорогой, когда ему самое время восстанавливать силы в тишине обители? Но Дибao каким-то чудом прознал о походе и упрямо настоял на своём участии. Переспорить его оказалось невозможно, и Шаолин сдался.

Весь путь Лу Дибao не отходил от него ни на шаг. Он и раньше души не чаял в своём старшем брате, а теперь буквально ловил каждое его слово. Шаолин, искренне переживая за здоровье

младшего, баловал его без меры. Пожалуй, больше потакания от него доставалось только самой Шаои.

Стоило ли удивляться, что теперь, когда обожаемый наставник перебрался в экипаж к сестрице, Дибao почувствовал себя обделённым? Возразить он не решился, а потому лишь молча исходил желчью, терзаемый безмолвной обидой.

Шаолин сразу заметил эту детскую ревность. Ситуация забавляла его и одновременно смущала: надо же, сам того не заметив, он превратился в лакомый кусок, из-за которого спорят близкие люди.

Но как бы ему ни хотелось уделить внимание обоим, разорваться надвое он не мог. Взвесив все «за» и «против», Шаолин рассудил, что Шаои — девушка, и ей по праву пола полагаются уступки. Потрепав приунывшего Дибao по макушке, он скрылся в полумраке кареты.

Шаои сидела тихо, словно мышка. При его появлении она не проронила ни звука, но впилась в него сияющим взором, в котором без всяких слов читался чистейший, детский восторг.

Растроганный этой беззаветной преданностью, Шаолин негромко рассмеялся и спросил полушутя:

— Неужели ты так рада?

— Да, — выдохнула она. — Одно то, что я вижу брата, делает меня счастливой.

Такая искренность была редкостью для обычно замкнутой Шаои. Шаолин почувствовал, как к горлу подкатывает тёплый ком.

«А сестрёнка-то, если к ней привязаться, очень даже милая, — подумал он с внезапным приливом нежности. — Прямо жалко отдавать её этому проклятому главному герою. Если Шаои действительно не влюбит Ци Фаня, пускай остаётся со мной, я её хоть всю жизнь беречь буду. Разберусь с недомолвками между ней и родителями, и заживем дружной, счастливой семьей».

Пока он предавался этим благостным мечтам, Шаои продолжала пожирать его глазами, словно величайшее сокровище. Под столь пристальным, немигающим взглядом Шаолин быстро почувствовал себя неловко.

— Что ты так смотришь на меня? Не надоело ещё?

— Вовсе нет. Брат очень красивый.

—...

Услышать комплимент от признанной красавицы этого мира — испытание не из лёгких. Шаолин на мгновение потерял дар речи.

Впрочем, глядя на её робкое обожание, он начинал её понимать. Шаоли вела себя как ребёнок, которому впервые в жизни подарили желанную игрушку. Она боялась выпустить её из рук, жадно рассматривала каждую деталь, силясь поверить в собственное счастье.

Но вечно терпеть этот гипнотизирующий взгляд было выше его сил. Он шутливо щёлкнул пальцами перед её носом и улыбнулся:

— Да что во мне разглядывать? Дорога предстоит долгая. Может, сыграем во что-нибудь, чтобы скоротать время?

Шаоли растерялась, но её взгляд тут же вспыхнул ярким, почти лихорадочным блеском:

— Во что сыграем, брат?

— Э-э... — протянул Шаолин. Вопрос застал его врасплох. В прошлой жизни он только и делал, что усердно совершенствовался, друзей своего возраста почти не имел и понятия не имел, чем развлекается благородная молодёжь.

Однако Шаоли смотрела на него с таким нетерпением, что ему пришлось лихорадочно шарить по карманам. К его досаде, под руку попался лишь простой алый шнурок.

Сестра продолжала ждать решения, не сводя с него умоляющих глаз.

Сдавшись, он выпалил первое, что пришло в голову:

— Как насчёт того, чтобы поиграть в ниточку?

Слова вылетели прежде, чем он успел подумать, и Шаолин тут же пожалел о содеянном.

«Ничего себе идея... — мысленно обругал он себя. — Игра в ниточку?! Да в неё даже пятилетние дети уже не играют!»

Но Шаоли проявила неожиданное любопытство:

— А что это за игра?

— Разве ты никогда не пробовала? — удивился он.

Простой интерес разгорелся в нём с новой силой. Связав концы шнурка, Шаолин ловко набросил его на пальцы и сплёл незамысловатую фигуру, подставив руки сестре.

Секунды шли, но Шаоин не шевелилась.

Озадаченный, он поднял взгляд и увидел, что она в полном замешательстве созерцает переплетение нитей. Похоже, она действительно видела подобную забаву впервые.

— Просто подцепи вот здесь пальцами, — мягко подсказал он.

Шаоин нерешительно протянула руку и, следуя его указке, осторожно поддела алыми нитями воздух.

Шнурок мгновенно скользнул на её тонкие пальцы, преобразившись в изящный узор, напоминающий крылья бабочки.

У девочки вырвался тихий вздох изумления. Она смотрела то на свои руки, то на брата, не веря собственным глазам, растерянная и бесконечно счастливая.

Этот искренний восторг показался Шаолину безумно трогательным. Он ласково взъерошил ей волосы, а затем вновь перехватил нить, создавая новый рисунок. Глаза Шаоин зажглись ещё ярче.

Так они и ехали: один терпеливо учил, другая с детским упорством перенимала нехитрую премудрость. Самая глупая, почти младенческая забава в их уединении казалась исполненной глубокого, тайного смысла.

Из-за громоздкого экипажа путь изрядно затянулся. Там, где верхом можно было долететь за два дня, они тащились все пять.

На исходе пятого дня у подножия горы Цинянь наконец показали очертания уездного города.

Шаолин выбрался из экипажа и огляделся. Городские предместья напоминали растревоженный улей — улицы были наводнены заклинателями всех мастей. Мелькали разноцветные даосские одежды, звенела сталь обнажённых клинков, взлетали ввысь духовные артефакты.

Особенно выделялась сплочённая группа в строгих чёрных одеяниях. Их было немного, но держались они с вызывающим высокомерием, от каждого веяло непоколебимой силой и

суровой воинственностью.

Секта Сицзянь оставалась верна себе — их приверженцев невозможно было спутать ни с кем. Не зря в народе их в шутку величали «Сектой Монахов».

«Но разве Сицзянь не относится к северным сектам? — озадачился он. — Что они забыли на юге? Неужели решили вмешаться в дела южных школ? Дело принимает скверный оборот...»

Шаолин интуитивно почуял, что за этим кроется нечто большее.

Не успел он развить эту мысль, как от строя «черноризцев» отделилась фигура и стремительно направилась к ним.

Новоприбывший был невысок ростом, но на редкость пригож лицом — настоящий фарфоровый мальчик с картинки. Это был не кто иной, как Е Сюань, по прозвищу «Листочек».

Шаолин искренне обрадовался встрече. К братьям Е он питал самые дружеские чувства и после всех совместных передраг считал их добрыми приятелями.

При условии, конечно, что они держали рот на замке.

— Листочек...

Стоило Шаолину произнести это шутивное имя, как Е Сюань мгновенно раздулся от гнева:

— Я же просил не называть меня так! Я всего на два года младше тебя, нечего тут важничать!

— Но ты ведь и правда очарователен, Листочек.

Договорить он не успел — занавеска экипажа вновь приоткрылась, и наружу выплыл холодный, певучий голос Шаои:

— О чьей прелести толкует мой брат?

Е Сюаню уже доводилось мельком видеть Шаои, но при новой встрече он вновь застыл как вкопанный, сражённый её невероятной, поистине пугающей красотой. Юноша стоял с открытым ртом, не в силах вымолвить ни слова.

Шаолину пришлось трижды похлопать его по плечу, прежде чем тот опомнился.

Придя в себя, Е Сюань густо покраснел до самых кончиков ушей.

Шаолин лишь снисходительно улыбнулся. Против очарования Шаоли не было противоядия, так что смущение юноши было вполне объяснимо.

Его гораздо больше занимало другое: почему северяне из Сицзянь сошлись у подножия южной горы Цинянь, да ещё и в компании столь пёстрого сброда заклинателей?

Е Сюань, желая скрыть неловкость, охотно выложил всё, что знал.

Как оказалось, весть о загадочном море, охватившем четыре южных округа, докатилась и до северных земель. Старейшины северных школ сразу заподозрили неладное, усмотрев в происходящем явный след происков Царства демонов.

Секта Сицзянь, будучи признанным столпом праведного пути, не могла остаться в стороне. Глава секты Е Чжэнъянь спешно снарядил четыре отряда для расследования причин бедствия.

Молодой глава секты Е Цзюэ тоже возглавил один из них, но его путь лежал в округ Чалин.

— Я так и знал, что ваш павильон Яньюнь не останется безучастным, — закончил Е Сюань. — И не ошибся.

— Жаль, значит, с молодым главой Е мы на сей раз не увидимся, — с искренним сожалением отозвался Шаолин.

Однако Шаоли уловила в его голосе нотки разочарования. Её лицо мгновенно омрачилось, и она с ревнивой, почти детской обидой спросила:

— Брат так жаждет встречи с этим Е Цзюэ?

— Вовсе нет, просто... — Он осёкся на полуслове. В его голове словно вспыхнула молния.

«Постойте... — осенило его, и сердце забилось чаще. — Если Шаоли здесь, неужели именно в этой главе должна состояться их первая встреча по сюжету романа?!»

Кровь Шаолина забурлила от волнения. Он резко повернулся к Е Сюаню:

— А Ци Фань? Он поехал с тобой?

Этот внезапный вопрос заставил и Е Сюаня, и Шаоли недоуменно переглянуться.

— Ци Фань? Это ещё кто? — Е Сюань наморщил лоб, силясь вспомнить такое имя среди сотен учеников.

Тем временем Шаои тайно сжала кулаки под широкими рукавами, а в её сердце промелькнула тень потаённого торжества.

Наконец Е Сюань сообразил, о ком идёт речь:

— Ах, этот... Так он всего лишь безвестный ученик внешнего круга. Дело предстоит опасное, куда ему соваться?

— Но ведь у него кровь Небесного Демона! — воскликнул Шаолин. — Держать обладателя такого наследия в чернорабочих... Не кажется ли тебе это верхом расточительства?

— Кровь Небесного Демона? О чём ты вообще говоришь?

Е Сюань выглядел совершенно сбитым с толку.

Шаолин онемел от изумления. Неужели Е Сюань действительно ничего не знает о наследии Ци Фаня?

«Что за чертовщина здесь творится? — лихорадочно соображал Шаолин. — Допустим, Ци Фань решил не высовываться. Но Е Цзюэ, который видел всё своими глазами, не мог промолчать перед старейшинами! Да и другие ученики Сицзянь наверняка растрепали бы обо всем на свете. Почему же младший сын главы секты ни сном ни духом?»

Эта тайна казалась слишком зловещей, чтобы оставлять её без внимания. Шаолин уже открыл было рот для расспросов, но Шаои изящным жестом указала в сторону толпы:

— А те люди? Они тоже из вашей Сицзянь?

Её замечание прервало размышления Шаолия. Он перевёл взгляд туда, куда указывал её тонкий пальчик. Шум среди толпы заклинателей тем временем становился всё громче.

Решив отложить загадку Ци Фаня на потом, он уставился на Е Сюаня в ожидании разъяснений.

Тот лишь безглаголиво поморщился, смерив буянов презрительным взглядом:

— Эти-то? Пустое место. Наёмное отродье, которое наняла Школа «Алые врата и расшитые покои». Обычный сброд. Сами господа ещё не соизволили явиться, вот их псы и бесятся от безделья.

«"Алые врата и расшитые покои"? Где же я слышал это название?..»

Шаолин на секунду задумался, и тут его осенило.

Школа «Алые врата и расшитые покои» из Бяньляна была весьма примечательной обителью. Согласно сюжету романа, их боевые искусства не представляли особой угрозы, зато казна ломилась от золота. В будущем этот орден станет главным финансовым оплотом Ци Фаня. К тому же состоял он исключительно из женщин — статных, утончённых дев, прелесть каждой из которых воспевали поэты. Подобное зрелище трудно было забыть.

И теперь этот легендарный цветник пожаловал сюда!

«Да уж, скучно точно не будет...»

Шаолин с любопытством вытянул шею, пытаясь рассмотреть прибывших заклинательниц, как вдруг над самым его ухом прозвучал ледяной голос Шаои:

— Брат так сильно рад их приезду?

— Что? — Шаолин растерянно моргнул, всё ещё не в силах оторвать взгляда от лагеря наёмников в надежде уловить появление благородных дам.

Лишь почувствовав, как загривок обдало могильным холодом, он нехотя обернулся.

Шаои смотрела на него ледяным, словно высеченным из векового льда взглядом. Она была не просто недовольна — она дышала сдерживаемой яростью.

Шаолин искренне не понимал, какая муха её укусила.

Впрочем, в тонкостях женской психологии он не разбирался, зато умел вовремя пойти на попятную. Главное правило — во всём соглашаться. Быстро восстановив в памяти её вопрос, он поспешил заверить её самым невинным тоном:

— Да какая радость? Никакой радости нет и в помине!

— Вот как? — Шаои едва заметно улыбнулась. Но в этой улыбке скользнуло нечто тёмное, почти зловещее: — Даже если брат встретит здесь свою наречённую?

—...

— Чего?! — вскинулся Е Сюань, его глаза округлились от шока. — Ты помолвлен?!

— Чего ты так разволновался-то? — пробормотал Шаолин, ошеломлённый напором.

Но в следующий миг до него дошёл смысл слов Шаоли.

«Точно же! — осенило его. — Фея Гушэ, моя невеста по переписке, как раз состоит в Школе «Алые врата и расшитые покои»! Значит, мы действительно столкнемся нос к носу?»

Чувство внутри зародилось странное — не то чтобы он предвкушал эту встречу, но на душе сделалось как-то беспокойно.

Е Сюань тем временем навис над ним, требуя подтверждения:

— Так ты действительно обручён с кем-то из этих богачек?

— Ну обручён, и что с того? — Шаолин пожал плечами, не понимая причин такой бурной реакции.

— С кем конкретно? Как её зовут?

— Имени я не знаю, мне известен лишь её титул. Её зовут Фея Гу...

— Фея Гушэ! — выпалил Е Сюань, не дав ему договорить.

Шаолин изумлённо уставился на него:

— Откуда тебе это известно?

Было видно, что Е Сюань сгорает от желания высказаться, но нужные слова никак не шли с его языка. Он то открывал рот, то снова закрывал его, отчаянно подбирая выражения.

Это лишь сильнее распалило любопытство Шаолиня.

— Да не томи ты! Рассказывай, Листочек!

— Не называй меня Листочком! — огрызнулся тот, но тут же шумно выдохнул и, сдавшись, заговорил вполголоса: — Мой тебе совет: расторгни эту помолвку как можно скорее.

— Но почему? — Шаолин и сам не держался за этот брак, однако столь ярый протест друга требовал объяснений.

Е Сюань набрал в грудь побольше воздуха и затараторил, боясь передумать:

— Да потому что эта Фея Гушэ уже много лет безумно влюблена в моего старшего брата! Е Цзюэ должен был возглавить отряд на горе Цинянь, но девицы из Школы «Алые врата и расшитые покои» прознали об этом — уж не знаю, у кого они выкупили сведения, — и немедленно устремились сюда.

—...

— Брат узнал об этом в дороге и спешно повернул к округу Чалин. Только ради того, чтобы не пересекаться с твоей ненаглядной!

Шаолин долго переваривал услышанное, прежде чем выдавил:

— Вот оно как... Какая запутанная история.

«Кто бы мог подумать... — мысленно усмехнулся Шаолин. — Я ухитрился стать соперником самого молодого главы секты Сицзянь. Ирония судьбы, не иначе».

Заметив его задумчивый вид, Е Сюань решил окончательно развеять его иллюзии:

— И не думай, будто её внезапное согласие на брак с тобой — это знак угасших чувств к Е Цзюэ. Эта девица упряма как баран: она спит и видит, как войдёт в наш дом в качестве моей невестки. Вся эта возня с вашим сватовством воняет за версту.

—...

— Уверен, она как-то прознала, что мы сблизились на Пути к Небесам. И решила разыграть эту карту — обручилась с близким другом моего брата исключительно для того, чтобы уколоть его гордость!

«Ну и дела... — у него перехватило дыхание от такой наглости. — Выходит, меня просто использовали как разменную монету? Что ж, надо отдать должное этой Фее Гушэ, интриги она плести умеет».

Шаолин покачал головой. Сюжетные повороты порой оказывались куда затейливее любых фантазий. Впрочем, любопытство взяло верх, и он заговорщически подмигнул Е Сюаню:

— И почему только твой брат бежит от неё? Я видел её портрет — краше девицы не сыскать во всём Поднебесье.

— Вот у него и спроси, — Е Сюань развёл руками, а затем добавил с неожиданной серьёзностью: — Лицо — лишь маска. Чем прекраснее цветок, тем смертоноснее может оказаться его яд.

— Ладно-ладно. Смотри сам, Листочек, не женись потом на первой красавице округа.

Шутка заставила Е Сюаня лишь досадливо закатить глаза:

— Да кто вообще думает о глупостях вроде женитьбы? Нам, заклинателям праведного пути, подобает стремиться к бессмертию, а не связывать себя узами брака в столь юные годы. Один ты вечно забиваешь голову всякой ерундой.

Шаолин лишь добродушно усмехнулся в ответ на эту беззлобную шпильку. Поболтав ещё немного, они вслед за Е Сюанем вошли в городские ворота и остановились в том же постоялом дворе, где расположился отряд Сицзянь.

Усталость после долгой дороги брала своё. Шаолин мечтал поскорее добраться до постели, чтобы с утра пораньше отправиться в закрытые кварталы города, охваченные мором.

Но стоило ему сделать шаг к лестнице, как он поймал на себе тяжёлый, застывший взгляд Шаои.

Она смотрела с такой лютой, загробной стужей, что у него невольно побежали мурашки по коже. Этот взгляд принадлежал не хрупкой девушке, а существу из бездны.

Шаолин поёжился — он терпеть не мог, когда сестра впадала в подобное состояние.

— Шаои, что с тобой?

— Брат совсем не сердится? — тихо спросила она.

Вопрос прозвучал невпопад, и Шаолин не сразу сообразил, что речь идёт о несостоявшейся невесте. Зевая от усталости, он отмахнулся:

— Да из-за чего тут сердиться-то?

— Она пренебрегла твоим достоинством. Использовала тебя.

— Тоже мне, великое зло, — Шаолин покачал головой. — Мы ведь даже не виделись ни разу. К тому же совершенно естественно, что юная дева предпочитает блестящего молодого главу Сицзянь какому-то недотёпе вроде меня. С моим-то прежним скверным именем только

сумасшедшая согласилась бы пойти под венец.

— Я в своём уме, — глухо отозвалась Шаои.

— Что?

— Я говорю, моя голова в порядке. И я люблю брата.

Столь прямое и горячее признание заставило Шаолиня оцепенеть. Разум на мгновение отключился, а в груди разлилось странное, щемящее тепло, отзывавшееся мелкой дрожью во всём теле.

С трудом подавив волнение, он неловко улыбнулся и ласково коснулся её макушки. Его пальцы едва заметно подрагивали.

— Ну, ты — совсем другое дело. Ты ведь моя сестра, кому же ещё защищать меня, как не тебе?

—...

— Ладно, выбрось эти глупости из головы. Ступай спать.

Но этой ночью сон к нему так и не пришёл. Шаолин ворочался с боку на бок до самого рассвета. Его не мучили кошмары, в голове не роились тревожные мысли — он просто лежал в темноте, слушая биение собственного сердца.

Поднявшись на рассвете, Шаолин спустился в общий зал постоянного двора в надежде спокойно перекусить.

Однако внизу уже вовсю кипела жизнь. В центре внимания оказался щеголеватый молодой господин, окружённый свитой из щебечущих девиц.

Юноша брезгливо кривился, с сомнением разглядывая грязный дощатый пол перед собой, словно раздумывая, стоит ли вообще опускать на него свои расшитые туфли. Заметив его нерешительность, прелестницы дружно захихикали и принялись одна за другой бросать под его ноги надушенные шелковые платки, выстилая белоснежную дорожку.

Посетители трактира замерли с открытыми ртами от столь вызывающего пафоса. Лишь Е Сюань, сидевший за угловым столом, презрительно процедил сквозь зубы:

— Дешёвое пижонство!

Шаолин мысленно согласился с другом. Тем временем надушенный щёголь уже заметил их компанию и свысока бросил:

— Ба, да это же мелкий Е Сюань! Сколько лет прошло, а ты всё такой же недомерок.

На лице Е Сюаня проступили багровые пятна гнева, между бровями залегла глубокая складка, и он зло выплюнул:

— Заткни пасть,дохлый вепрь!

<http://bllate.org/book/18172/1750888>